

Проблемные аспекты реализации принципа учета мнения ребенка при рассмотрении семейных споров в Российской Федерации

Научный руководитель – Соколов Тимур Викторович

Ефимова Надежда Евгеньевна

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия
E-mail: naydenok@bk.ru

Защита прав и законных интересов ребенка является приоритетной задачей любого цивилизованного государства, заботящегося о своем будущем. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в Конвенции о правах ребенка 1989 года [2], предполагает свою реализацию в самых разных нормах материального и процессуального права.

Вместе с тем, важнейшим индикатором реализации данного принципа, на наш взгляд, является не просто предоставление несовершеннолетнему пассивного доступа к социальным благам, а восприятие ребенка как полноценного и самостоятельного члена общества, способного по мере своего развития активно участвовать в общественной жизни и реализовать свои права.

В свою очередь, одним из показателей эффективности участия ребенка в общественной жизни является отношение других субъектов к мнению ребенка, выраженному по вопросам, входящим в круг его интересов.

Ст. 12 Конвенции о правах ребенка, базируясь на иных международных договорах, гарантирует ребенку, способному сформулировать свое собственное мнение, право свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим его права, при этом взглядам ребенка должно уделяться должное внимание в соответствии с его возрастом и зрелостью. Данное положение гарантирует ребенку возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через уполномоченный орган или представителя [2].

Особое развитие данное положение получило через закрепление в Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку, принципа участия как основополагающего принципа дружественного к ребенку правосудия. В соответствии с данным принципом каждый ребенок имеет право быть информированным о своих правах и особенностях процедур, в которых он принимает участие в том или ином качестве. Дети должны восприниматься в качестве полноправных членов процесса, их мнению должно придаваться должное значение с учетом способности сформировать это мнение и обстоятельств дела [3]. Важно отметить, что реализация принципа участия предполагает осуществление именно права, а не обязанности ребенка выражать свое мнение. В каждом конкретном случае уполномоченные органы, исходящие из принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, который, в свою очередь, не должен подвергаться расширительному толкованию в ущерб интересам ребенка [1], обязаны использовать индивидуальный подход к ребенку и к его ситуации, воспринимая его как субъекта, способного сформулировать собственное мнение, но не принуждать его к этому, если ребенок не готов это сделать.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее - СК РФ), следуя логике международного законодателя, также содержит ст. 57, регламентирующую право ребенка выражать свое мнение [4].

Несмотря на то, что минимальный возраст учета мнения ребенка в данной статье не установлен, порог обязательности учета мнения ребенка, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам, установлен на отметке в 10 лет, что на практике делает необязательным учет компетентными органами мнения детей младше 10 лет. Верховный Суд Российской Федерации (далее - ВС РФ) также фактически поддерживает такой подход к решению этого вопроса (см., например, п. 5-6 Постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 года №10 [5]), хотя и в более поздних своих постановлениях (п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 года № 44 [6]) уточняет, что мнение ребенка младше 10 лет суд вправе устанавливать в судебных заседаниях, если это не противоречит интересам ребенка, хотя об обязательности учета мнения ребенка младше 10 лет, как о реальном последствии выражения этого мнения, говорить не приходится.

Другой проблемой, на которую необходимо обратить внимание, является использование авторами ст. 57 СК РФ двух терминов: мнение ребенка и согласие ребенка, причем именно со вторым законодатель связывает возможность принятия компетентным органом итогового решения, влияющего как на права и обязанности ребенка, так и на права и обязанности других лиц. Использование данного подхода, на наш взгляд, приводит к усеченному восприятию самого факта выражения мнения ребенка, когда судье или представителю органа опеки для разрешения одного из перечисленных в ст. 57 СК РФ вопросов достаточно получить от ребенка краткое «Да, согласен» или «Нет, не согласен» без выяснения мотивов такого ответа (см., например, п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 года № 44 [6]). Хотя на практике последствия такого решения могут быть весьма значительными. Так, например, в случае несогласия ребенка на восстановление отца в родительских правах, ранее лишено родительских прав для удобства бывшей супруги, матери ребенка, но фактически их осуществляющего, этот мужчина утрачивает право быть усыновителем в новом браке, что лишает бездетную по биологическим причинам пару возможности иметь детей.

Также важной, на наш взгляд, проблемой является отсутствие единого подхода и методологии оценки и учета мнения ребенка, в связи с чем компетентные органы не всегда способны верно установить и эффективно учесть мнение ребенка при вынесении решения, затрагивающего его интересы. Безусловно, в своих разъяснениях ВС РФ указывает на отдельные обстоятельства, которые должны быть установлены судом в ходе опроса ребенка (см., например, п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 года № 10 [5]), однако не всегда судья может правильно сформулировать вопрос или отразить в судебном решении полученную информацию без искажения. Решением данной проблемы могут стать разработанные вопросники, включающие базовые для всех детей вопросы для выяснения способности ребенка выражать свое мнение, понимать последствия своих высказываний, наличия влияния родителей или иных лиц на формирование мнения ребенка и специальные группы вопросов в зависимости от того, по какой категории спора проводится опрос ребенка. Использование такой методологии могло бы облегчить деятельность суда и повысить эффективность учета интересов ребенка при вынесении судебных решений.

Подводя итоги нашей работы, хотелось бы отметить, что право ребенка выражать свое мнение, является важнейшей составляющей его правового статуса, позволяющей не только эффективно воздействовать на семейные правоотношения, но и формировать ребенка как личность и полноценного участника нашего общества, а также повышать эффективность правосудия с участием несовершеннолетних. Решение отдельных проблемных аспектов реализации данного права будет только способствовать успешному достижению обозначенных целей.

Источники и литература

- 1) Кравчук Н.В. Право ребенка выражать свое мнение: законодательство и практика России в контексте международных обязательств // Совершенствование гражданского и семейного законодательства. Сборник статей. – М.: Международный юридический институт. 2012.
- 2) Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.
- 3) Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку (Принято Комитетом Министров 17 ноября 2010 года на 1098-ой Встрече Заместителей Министров) [неофициальный перевод] // Доступ получен с сайта: <https://pravo163.ru/rekomendacii-komiteta-ministrov-soveta-evropy-po-pravosudiyu-druzhestvennomu-k-rebenku/>
- 4) Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.01.1996, No 1, ст. 16.
- 5) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей" // Российская газета, № 110, 10.06.1998 г.
- 6) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 "О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав" // Российская газета, № 262, 20.11.2017 г.